

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 378:1
DOI 10.20339/AM.05-25.010

С.В. Костюкевич,
канд. социол. наук,
Институт социологии
Национальной академии наук Республики Беларусь
e-mail: svkostus@yahoo.com

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье на базе исторических исследований анализируется средневековый университет как новая организационная форма, объединяющая античную либеральную школу и средневековую ремесленную гильдию. На основе социологического анализа показано, какие социальные процессы запустила античная либеральная школа как продукт древнегреческой аристократической культуры, в частности, социальную стратификацию по уровню образования и интеллектуализацию общества, и какие — средневековый университет как новая организационная форма, в частности, процесс демократизации образования и социальную мобильность. Обосновывается, в рамках историко-социологического анализа, институциональная миссия следующих институтов образования: античной либеральной школы, средневекового университета и современных университетов, использующих либеральную, исследовательскую и сервисную модели.

Ключевые слова: античная либеральная школа как продукт древнегреческой аристократической культуры, средневековый университет как объединение античной либеральной школы и средневековой ремесленной гильдии, институциональная миссия либеральной, исследовательской и сервисной моделей университетского образования.

UNIVERSITY EDUCATION AS AN OBJECT OF HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS

S.V. Kostyukevich, Cand. Sc. (Sociology), Leading researcher at National Academy of Sciences of Republic of Belarus, e-mail: svkostus@yahoo.com

The article, based on historical studies, analyzes the medieval university as a new organizational form that unites the ancient liberal school and the medieval craft guild. It is shown, on the basis of sociological analysis, which social processes were launched by the ancient liberal school as a product of the ancient Greek aristocratic culture, and which by the medieval university as a new organizational form that unites an ancient liberal school and a medieval craft guild. In particular, the ancient liberal school launched, first, a social stratification by level of education and, second, an intellectualization of society, and the medieval university launched the process of democratization of education as well as a social mobility. The institutional mission of the following educational institutions is substantiated within the framework of historical and sociological analysis: the ancient liberal school, the medieval university and modern universities using liberal, research and service models.

Keywords: the ancient liberal school as a product of the ancient Greek aristocratic culture, the medieval university as a union of the ancient liberal school and the medieval craft guild, the institutional mission of the liberal, research and service models of university education

Посвящается научному журналу Alma mater (Вестник высшей школы), который любезно познакомил русскоязычную аудиторию с фундаментальным исследованием «История университета в Европе» (*A History of the University in Europe*)¹ [1], публикуя небольшие отрывки из этого издания.

Введение

Исторические исследования университета обусловлены тем, что он имеет долгую историю: как продукт европейской средневековой городской культуры он существует в Европе с XI – начала XII в. *Актуальность исторических исследований обусловлена осознанием того, что проведение университетских реформ требует понимания логики становления и развития университетов.* Об этом пишет В. Роуг, который, в частности, указал, что после того как в 1964 г. в Гёттингене было объявлено о создании Ассоциации ректоров европейских университетов (CRE), «на различных встречах этого форума неоднократно звучало пожелание углубить наши представления в области истории европейских университетов. Необходимость этого, в частности, следует из многочисленных неудачных попыток реформировать университетское образование. Такие попытки в послевоенный период свидетельствуют о том, что эффективные решения проблем университетского образования едва ли можно получить без углубления наших представлений о путях становления университетов, о тех традициях, которые определяли логику их развития» [2. С. 98]. Европейские историки откликнулись на пожелание CRE, и итогом стало 4-томное исследование «История университета в Европе», опубликованное в период с 1992 по 2011 г. издательством Cambridge University Press [1], одним из редакторов данного издания стал В. Роуг.

Социологические исследования университетского образования обусловлены тем, что, по мнению Д. Хэмлина, «с социологической точки зрения функции университетов, как они реально существуют сегодня, разнообразны и включают обеспечение обществу экономической прибыли и профессиональную подготовку молодежи» [3. С. 139]. Также социология, будучи наукой о массовых процессах, происходящих в обществе, изучает такие явления, как социальная стратификация, социальная мобильность,

интеллектуализация общества и др.; и здесь, так же как и в случае профессиональной подготовки молодежи, университетское образование играет очень важную роль. Опираясь на исторические исследования, социологи фиксируют в Древней Греции первую социальную стратификацию по уровню образования, связанную с тем фактом, что либеральное образование древних греков было сугубо аристократическим феноменом [4]. Опираясь на исторические факты о средневековом университете, социологи обнаруживают, что механизм социальной мобильности, связанный с образованием и отсутствующий в греко-римском мире, заработал в средневековом обществе: выпускники с университетской степенью могли получить дворянское звание, и с этого момента университетское образование стало доступным в элиту (например, применительно к современному миру, в частности к США, это подтверждает А. Зубатов, говоря о том, что принятие законопроекта G.I. Bill в 1944 г. сделало «обучение в колледже выгодным для вернувшихся ветеранов. Университетское образование теперь было не только для детей богатой элиты» [5. С. 5]). Что касается интеллектуализации общества (более подробно см.: [6]), то, используя институциональный подход для анализа древнегреческой школы как социального института образования, социологи обнаруживают, что интеллектуализация была начата еще в античные, греко-римские, времена, поскольку именно в рамках аристократической культуры Древней Греции была впервые утверждена и обоснована в идеологии либерального образования ценность образованного умственного труда (или, по-другому, интеллектуального труда) [7].

Модель либерального образования означает подготовку к занятию умственным трудом.

♦ *Умственный труд*, но не в качестве работы на другого человека за плату или вознаграждение или бесплатно (если его выполнял раб), а в качестве свободного творчества или свободного творческого занятия, был *главной ценностью в греко-римском мире*. И поскольку умственным трудом как свободным творчеством занималась социальная элита, то можно сказать, что благодаря ей сформировался культ личного творчества свободного гражданина, который стал фундаментом греческой (а затем римской) культуры — впоследствии этот культ был возрожден в европейской истории в эпоху Ренессанса.

♦ Для подготовки к занятию умственным трудом греки создали *школу либерального образования*, которая стала атрибутом образа жизни социальной элиты (термин «либеральная» означает «свободная», поскольку социальной элитой греческого города-полиса были свободные граждане, т.е. как свободные по рождению, так и имеющие свободное время для учебы).

♦ Социальной фигурой, занимающейся умственным трудом, был *интеллектуал*. Интеллектуал — это образованный человек, занимающийся сложным умственным

¹ A History of the University in Europe – Cambridge: Cambridge University Press, 4 тома, 1992 – 2011 гг.

A History of the University in Europe is a four-volume book series on the history and development of the European university from the medieval origins of the institution until the present day. The series was directed by the European University Association and published by Cambridge University Press between 1992 and 2011. The volumes consist of individual contributions by international experts in the field and is considered the most comprehensive and authoritative work on the subject to date. It has been fully or partly translated into several languages. – [Electronic resource]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/A_History_of_the_University_in_Europe (дата обращения: 05.04.2025).

трудом. Отсюда, в западной традиции образованный умственный труд обозначается как интеллектуальный труд. Древнегреческий интеллектуал зафиксировал разрыв умственного и физического труда, который стал фундаментальной характеристикой древнегреческой аристократической культуры.

♦ Интеллектуальный труд как творчество свободного гражданина запустил в греко-римском мире развитие *интеллектуальной культуры* (прежде всего, таких важных для элиты ее частей, как интеллектуальная политика и теоретическая наука). Ценность интеллектуальной политики и теоретической науки вытекала из того факта, что в Древней Греции впервые среди народов Средиземноморья стала культивироваться рационалистическая и идеалистическая культура.

♦ Интеллектуальный труд и творчество свободного гражданина запустили процесс интеллектуализации общества, т.е. рост грамотности и образованности и рост доли людей умственного труда.

Умственный труд в греко-римском мире:

- ♦ стал атрибутом образа жизни социальной элиты;
- ♦ получил высокий социальный статус и престиж;
- ♦ стал ценностью, т.е. феноменом культуры;
- ♦ был связан с обучением в учебном заведении.

Таким образом, умственный труд стал означать труд образованного человека.

Актуальность социологических исследований университетского образования обусловлена тем, что университет является довольно древним социальным институтом, связанным со многими социальными процессами в современных обществах, часть из которых детерминирована самим появлением университета².

Если исторические исследования углубляют логику становления и развития университетов в историческом времени, например, появление либеральной (начало XII в.), исследовательской (начало XIX в.) и сервисной (середина XX в.) моделей университетского образования, то социологические исследования объясняют институциональную миссию этих университетских моделей, их задачи и функции в конкретном обществе.

² Например, появление процесса демократизации образования. Античная либеральная школа была элитарным феноменом, созданным в рамках аристократической культуры. Как атрибут образа жизни социальной элиты, она отделяла культурную и образованную элиту от народа. Создание средневекового университета, который объединил в своей структуре античную либеральную школу (созданную для подготовки образованной социальной элиты) и средневековую ремесленную гильдию (для подготовки для занятия ремеслом врача и юриста таких представителей народа, как состоятельные горожане), означало, что средневековый университет объединил обучение элиты и народа и тем самым провел демократизацию образования. Следующая демократизация университетского образования случится в середине XX в., когда будут запущены процессы массовизации и профессионализации университета в контексте человеческого капитала. Ее отличие будет в том, что она откроет доступ в университеты широким слоям населения для подготовки ко многим профессиональным занятиям, тогда как средневековая демократизация была очень избирательной: доступ в университеты был открыт состоятельным горожанам для подготовки к занятиям врача и юриста.

Основная часть

Европейский средневековый университет как новая организационная форма: объединение античной либеральной школы и средневековой ремесленной гильдии

Согласно историческим данным, средневековый европейский университет от предшествующих ему учебных заведений отличает соединение в его структуре античной либеральной школы и средневековой ремесленной гильдии, т.е., можно сказать, соединение общеобразовательной и специально-профессиональной подготовки. Таким образом, средневековый европейский университет — это новая организационная форма, которая объединяет средневековые с античным, греко-римским прошлым, поскольку средневековый университет наследует от античности либеральное образование, созданное в Древней Греции³.

Именно как результат преемственности с Античностью в средневековом европейском университете был создан факультет свободных искусств и наук, где изучали античные интеллектуальные искусства и науки: «Средневековый университет состоял из факультетов: артистического или искусств (подготовительного) и трех высших — права, медицинского и богословского (теологического). На артистическом факультете, позднее получившем название философского, преподавали... семь свободных искусств: сначала тривиум — грамматику, риторику, диалектику (логику), затем квадриум — арифметику, геометрию, астрономию, теорию музыки. Процесс обучения состоял из лекций и диспутов. Преподавание велось на интернациональном в средневековой Европе латинском языке. После овладения курсом тривиума и сдачи соответствующего экзамена присуждалась степень бакалавра искусств, после овладения курсом квадриума — степень магистра искусств. На высших факультетах присуждались степени магистра и доктора наук, соответственно профилю факультета» [8. С. 40].

Поскольку древнегреческое либеральное образование, которое включало в качестве своей важной части 7 свободных искусств и наук, было создано в рамках аристократического образа жизни, то оно не имело никакого отношения к обучению для рынка труда (элита не занималась ремеслом для заработка). Таким образом, либеральное образование было аристократическим феноменом и атрибутом образа жизни элиты, а не атрибутом трудовой деятельности, и значит, оно представляло собой общеобразовательную подготовку (важнейшей частью которой было интеллек-

³ Адаптация либерального образования на факультете свободных искусств и наук позволяла первым университетам устанавливать свою преемственность с древностью (Античностью) и тем самым легитимизировать себя, поскольку, согласно средневековой практике, узаконивание институтов проходило путем утверждения древности их происхождения. Об этом пишет В. Поур [2. С. 102].

туальное образование), не связанную с каким-либо профессиональным обучением.

Унаследовав либеральное образование как атрибут образа жизни социальной элиты, средневековый университет дополнил элитное образование образованием для народа, создав в своей структуре профессиональные факультеты права и медицины, где ремеслу юриста и врача обучались состоятельные горожане для заработка. *Подобной комбинации — объединения в одном учебном заведении общеобразовательной подготовки и специально-профессиональной, означающего совместное обучение представителей элиты и народа, — не было в античности и не было в средневековых школах, существовавших до университета.*

В Античности (а именно в греко-римском мире) существовали только школы общего образования, которые базировались на следующих ценностях: 1) образование развивает человека⁴ и 2) образование воспитывает человека⁵. И это означало, что знание, если оно истинное, делает человека всесторонне развитым — это стало *идеей* либерального образования, концептуально обоснованной в древнегреческой пайдейе как теории воспитания⁶ [9; 10; 11].

Известный французский историк Анри Марру (1904–1977) описывает воспитанника древнегреческой либеральной школы следующим образом: «высокоразвитый человек в великолепно развитом теле» [12. С. 71]. Эти школы являлись продуктом древнегреческой социальной элиты, а именно *такой ее статусной группы, как воинская аристократия*. Марру пишет: «Греческая культура изначально была привилегией воинской аристократии — этот основополагающий факт объясняет особенности образовательной традиции в классической Греции» [12. С. 23]. Центральными элементами в либеральных школах были: интеллектуальное образование (это хорошо известные свободные искусства и науки), физическая подготовка и гражданское воспитание. Итак, есть основание сформулировать *институциональную миссию античной либеральной школы*: это подготовка к занятиям политикой, наукой и войной — главным занятиям аристократической элиты, которые в Древнем мире еще не были профессионализированы. Занятие политикой и на-

укой⁷ указывало, что аристократическая элита готовилась к сложному умственному труду и творчеству — и для этого требовалось интеллектуальное образование. Занятие войной требовало физической подготовки. Гражданское воспитание означало, что для аристократов политика и война были не профессией, а гражданским долгом.

Созданные в рамках аристократической культуры либеральные школы (или школы общего образования — гимназии⁸) были атрибутом образа жизни элиты и не имели никакого отношения к профессиональному (ремесленному) обучению — аристократы не занимались ремеслом. Таким образом, школы общего образования не готовили к работе на рынке труда, они готовили к образу жизни — политике, науке, войне. Поскольку профессиональных школ в античном, греко-римском мире не было, то *практическое обучение на рабочем месте было единственной формой подготовки к рынку труда — и это означало, что ремесленники в своем большинстве не обучались грамоте.* Отсутствие профессиональных школ в греко-римском мире означало, что в нем *не культивировалась образованность как атрибут трудовой деятельности.* Поскольку ремесло в Древнем мире — это был главным образом физический (ручной) труд за плату, то ремесленники в обществе были представлены в основном неграмотными физически работающими людьми, в жизни которых не было школьного образования и не было, тем самым, понимания его ценности.

Итак, в греко-римской Античности школа как социальный институт существовала сугубо как феномен аристократической культуры. На тот факт, что либеральное образование было прежде всего воспитанием и развитием человека (т.е. феноменом культуры), а не подготовкой его

⁴ Имеется в виду всестороннее развитие человека, включающее его интеллектуальное развитие как важнейшую часть, при этом интеллектуальное развитие доходило до овладения искусством теоретического мышления в рамках занятий теоретической наукой (геометрией) и диалектической философией.

⁵ Имеется в виду формирование гражданской позиции и идеальной мотивации. Идеальная мотивация выступала как поиск абсолютной истины, не связанной с какими-либо практическими интересами и утилитарными выгодами, что показывало разрыв теории и практики в греческом мировоззрении.

⁶ О пайдейе можно прочесть в фундаментальном труде известного немецкого филолога-классика и историка философии Вернера Йегера (1888–1961) «Пайдейя: Воспитание античного грека» (в 1934 г. вышел первый том его работы и в последующие годы еще два тома).

⁷ Немецкий социолог М. Вебер (1864–1920) объясняет мотивацию аристократов заниматься наукой следующим образом: «...В его [прим. Платона] время впервые был открыт для сознания смысл одного из величайших средств всякого научного познания — понятия.... Из него, казалось, вытекало следствие: стоит только найти правильное понятие прекрасного, доброго или, например, храбрости, души и тому подобного, как будет достигнуто также их истинное бытие. А это опять-таки, казалось, открывало путь к тому, чтобы научиться самому и научить других, как человеку надлежит поступать в жизни, прежде всего в качестве гражданина государства. Ибо для греков, мысливших исключительно политически, от данного вопроса зависело все. Здесь и кроется причина их занятий наукой» [13. С. 716]. Учитывая, что греческое общество в Афинах создавало политики-интеллектуалы из аристократического слоя (это были представители воинской аристократии), неудивительно, что и мораль, и наука у греков были подчинены политике. Такая подчиненность определяла специфику созданной аристократами системы морали как морали гражданских отношений (базирующейся на законопослушности и самодисциплине — это отличало ее от другой системы морали, созданной в рамках отцовской и жреческой культуры). Что касается науки, то она также определялась спецификой аристократической среды — это была теоретическая наука, не связанная с ремесленной практикой (технологиями) и не связанная с утилитарной выгодой — древнегреческая наука представляла собой чисто логическое доказательство и поиск не практической и не утилитарной, а абсолютной истины. Об этом пишет советский философ, специалист по античной философии Ф.Х. Кессиди (1920–2009) [14].

⁸ В Древней Греции добиться успеха в политике мог только хороший воин — в школе мальчики изучали и грамматику, и риторику, но больше всего уделяли внимание спортивным занятиям. *Гимназия в переводе — это место, где ходят нагими (спортивные занятия делали нагишом)* [15].

к рынку труда (т.е. утилитарной пользой), указывают следующие исследователи Античности: немецкий филолог-классик и историк философии Вернер Йегер (1888–1961), автор фундаментального труда «Пайдейя: Воспитание античного грека»; французский историк античности и специалист по раннему христианству Анри-Ирене Марру (1904–1977), автор книги «История образования в Античности» (1948) и французский философ и специалист по античной философии Илзетраут Адо (1928–2010), автор книги «Свободные искусства и философия в античной мысли» (1984). Илзетраут Адо пишет об Академии Платона: «Не следует забывать, что система образования Платона не ставила своей целью дать какую-либо специализацию. С его точки зрения даже диалектика, высшая из наук, не была приемом, который следовало бы изучать ради него самого и в профессиональных целях. Система образования Платона в конечном счете должна была приводить к настоящей культуре, к пайдейе в истинном смысле слова, то есть к гармоническому развитию личности, вершиной которого было обретение мудрости как искусства жить» [16. С. 11]. Заметим здесь, что древнегреческие философы, желая обрести мудрость, искали абсолютную истину.

Зафиксируем разрыв между общим и специальным (профессиональным) образованием в греко-римском мире, являющийся результатом того, что институт образования (школа) обслуживала только элиту, тем самым создавая социальное напряжение между интеллектуалами (аристократами) и ремесленниками (народом). В коллективном труде европейских исследователей «История Европы» написано: «Обучение занимает исключительное место в городах Греции, так как, не имея образования, нельзя активно участвовать в политической жизни. Понятие «школа» возникло в Греции, и вначале оно означало «свободное время», затем собственно учебу и учебные заведения... учебные предметы: математику, естественные науки, грамматику, логику, риторику, общественные науки...» [17. С. 59].

Этимологическое происхождение понятия «школа» указывает на наличие свободного времени как главное условие появления либерального образования. Либеральное образование, таким образом, означает, по сути, свободное образование, т.е. что у человека есть свободное время для учебы. И, как правило, свободное время было у социальной элиты — т.е. сам термин «либеральное образование» указывает на тот факт, что это было образование для свободных людей. Вот что пишет Илзетраут Адо: «Софистика внесла большой вклад в воспитание свободного человека. Свободного человека, то есть как свободного по рождению, так и свободно распоряжающегося своим временем, не зависящего ни от услужения хозяину, ни от необходимости

зарабатывать на жизнь ремеслом. Обучение и занятие ремеслом⁹ действительно рассматривалось — как софистами, так и Платоном и Аристотелем — как решительное препятствие к приобретению того, что они называли вообще пайдейя, то есть «воспитание» (термин, который на самом деле часто соответствует тому, что мы называем общей культурой). Известные бродячие учителя конца V — начала IV в., например, Горгий, Протагор, Гиппий или Продик (и это только несколько имен софистов), считали себя способными усовершенствовать воспитание свободного человека, т.е. дать ему общее и полное образование, достаточное для того, чтобы свободный гражданин стал способен выполнять все политические функции и в свое время стать в одном из больших городов-государств классической эпохи должностным лицом на любом уровне — судьей, присяжным, членом различных советов, послом, служащим или оратором перед собранием. Общественная жизнь постоянно демократизировалась, поэтому, исполняя все эти функции, необходимо было мочь и уметь убеждать сограждан, то есть хорошо говорить и хорошо аргументировать. Софистическое воспитание, таким образом, было направлено на развитие этих способностей» [16. С. 6–7]. Разумеется, чтобы оратор мог хорошо говорить и хорошо аргументировать, он должен был иметь широкую эрудицию и развитый интеллект (логическое мышление).

Создание древнегреческой школы как аристократического феномена для подготовки интеллектуальной элиты в социологическом понятийном аппарате можно зафиксировать как одну из первых социальных стратификаций в обществе, созданную по уровню образования, которая на поверхности выступала как стратификация между интеллектуально-образованной элитой и необразованным народом (т.е. не обучавшимся в школе). Данная социальная стратификация проявлялась как деление на интеллектуалов и ремесленников, тем самым фиксируя разрыв умственного и физического труда. Результатом такой стратификации было лишение гражданских прав: «Рабы, женщины и даже метеки — лично свободные переселенцы, были лишены гражданских прав. Эти люди работают, в то время как граждане Афин занимаются политикой... В этой дискриминации греки не видят ничего ненормального. ... Тот, кто может предложить лишь свои руки, не имеет времени для активного участия в делах общества, не является активным гражданином (греч. *Polites*), а лишь частным лицом (греч. *Idiotes*)» [17. С. 54].

⁹ В рамках древнегреческой аристократической культуры было сформировано высокомерие интеллектуалов, выражающееся в пренебрежительном (неуважительном) отношении к занятию ремеслом, т.е. к занятию физическим трудом — это было вследствие разрыва умственного и физического труда, и об этом подробнее будет сказано ниже.

Итак, древнегреческая либеральная школа как институт образования (имеющий свои собственные ценности, свою идею и собственную институциональную миссию) *была сугубо аристократическим феноменом, и это определило логику развития всего последующего образования, включая университетское, поскольку средневековый университет адаптировал либеральное образование древних греков на факультете свободных искусств и наук.*

В Средние века появились профессиональные школы, например, Болонская правовая школа (известна с XI в. и связана с именем Ирнерия), медицинская школа в Салерно (известна с IX в.), и также были школы общего образования наподобие античных либеральных школ, например, Магнаврская школа в Константинополе (основана в IX в.), Аль-Азхарская школа в Египте (основана в X в.).

Будучи школами общего образования, Магнаврская и Аль-Азхарская школы, как и античные либеральные школы, готовили не к рынку труда, а к образу жизни, но уже не воинскую аристократию, а другую статусную группу элиты: христианских иерархов в Византии и мусульманских в Египте. Есть мнение считать их первыми университетами. Но университет — это *новая организационная форма, объединяющая общеобразовательную и специально-профессиональную подготовку и тем самым указывающая на тот факт, что в университете учатся не только представители статусных групп элиты, но и представители народа* (например, состоятельные горожане).

Считается, что первый университет возник в Италии в городе Болонья в XI — начале XII в. Позиция, опровергающая первенство Европы, предлагает считать первым университетом Магнаврскую высшую школу в Константинополе (Византийская империя) и школу Аль-Азхар в Каире (Египет). Магнаврская школа получила свое название от места своего нахождения в Магнаврском дворце. Название школы Аль-Азхар также связано с местом ее нахождения: эта школа появилась как медресе при мечети Аль-Азхар. И Византийская империя, и Египет имели древние корни грамотности и образованности, которые в древнем фараоновском Египте были связаны главным образом со жреческим сословием и сословием писцов [18] (как прообразом чиновников), а в Византийской империи — с наследием греко-римского мира в лице института образования — греческой гимназии¹⁰ — и философско-научных школ: Академии Платона, Ликей Аристотеля и Садов Эпикура.

В фараоновском Египте существовали учителя и ученики, но не было школы как самостоятельного социального

института, т.е. не было самостоятельного учебного заведения, в силу этого обучение проходило или в храмах, или во дворцах фараона и вельмож. Во-вторых, потребность в грамотных людях для государственных нужд учета и контроля была всего лишь утилитарной потребностью; это означало, что образование не имело отчетливо сформулированных собственных ценностей, собственной идеи и институциональной миссии, которые определяли бы его как социальный институт и феномен культуры.

В отличие от фараоновского Египта, в древней классической Греции была создана школа *как социальный институт* и создана *ее институциональная миссия* — подготовка в рамках либерального образования воинской аристократии как образованной социальной элиты¹¹ для занятия политикой, наукой и войной. Как атрибут аристократического образа жизни *либеральное образование утвердило новое правило: элита должна быть образованной, т.е. образованность должна быть частью ее образа жизни.* Прежде всего это означало, что интеллектуальное образование в рамках либеральной школы должно делать представителей элиты интеллектуалами¹² и готовить их к занятию интеллектуальным трудом и творчеством. Тем самым в древнем обществе была утверждена *ценность интеллектуальной элиты и ценность образованного умственного труда (или, по-другому, интеллектуального труда).* Но нужно добавить, что эти ценности *были утверждены только в рамках аристократического образа жизни*, где ценность образованного умственного труда определялась занятием интеллектуальной политикой (частью которой была демократия) и занятием теоретической наукой (начиная с древнегреческой умозрительной геометрии).

В современном мире интеллектуал — это образованный человек, выпускник университета, занимающийся умственным трудом, которого характеризует развитый интеллект и культурное поведение. Заметим, что *в характеристику интеллектуала включена не только связь с университетским образованием и умственным трудом, но и связь с развитием себя и воспитанием (это наследие*

¹⁰ Можно сказать, средней школы, поскольку Академию Платона, Ликей Аристотеля и Сады Эпикура можно определить как высшую школу, которая действовала как интеллектуальный клуб философов, политиков и ученых.

¹¹ Это так называемые свободные граждане города-полиса — именно они занимались интеллектуальной политикой, в рамках которой была придумана демократия (как и либеральная школа, демократия также была продуктом аристократической элиты). К числу тех, кто создавал и развивал демократию, принадлежали знаменитые греки: Солон, Клисфен, Перикл — все они были древнегреческими аристократами.

¹² Всестороннее развитие личности обеспечивало общее или либеральное образование. *Человек всесторонне развитый, и прежде всего интеллектуально, получил название «интеллектуал», т.е. интеллектуал — это продукт либерального образования.* Древнегреческий интеллектуал, связанный с аристократическим образом жизни, обусловил понимание интеллектуала для последующих поколений: описывая интеллектуалов, западные авторы указывают на такие вещи, как *воля к власти, поиск истины и абстрактное мышление, монополия на истину, претензия на роль посредника и участие в развитии* (отослел в данном случае к статье известного европейского интеллектуала, норвежского математика и социолога Йохана Галтунга «О роли интеллектуалов — упражнения в самокритике») [19]. Итак, историческое происхождение фигуры интеллектуала тесно связано с социальной элитой и образованным умственным трудом.

Античности). Развитие себя (прежде всего интеллектуальное) означает, что интеллектуал подготовлен к выполнению сложной умственной работы. Воспитание себя означает, что интеллектуал — это не просто специалист, это определенный тип личности.

Как носитель сложного умственного труда интеллектуал является *ключевой фигурой интеллектуализации общества*. Как определенный тип личности интеллектуал представляет собой культурного человека и является *ключевой фигурой сохранения рационалистической и идеалистической культуры в человеческом сообществе*. Более подробно об интеллектуалах [4].

Осознание ценности интеллектуального труда запустило процесс интеллектуализации общества — общеизвестно, что по мере расширения демократизации на все слои общества в греко-римской культуре повышался уровень грамотности и образованности населения и развивались знаменитые центры образования и науки: созданная Платоном Академия в Афинах (в Греции), созданные династией Птолемеев Мусейон и Серапион в Александрии (в Египте).

Имея собственное историческое наследие в грамотности и образованности и *заимствуя такое новое явление, как древнегреческая либеральная школа с ее культом образованности* — атрибут образа жизни элиты, неудивительно, что Византийская империя создала Магнаврскую школу в Константинополе в IX в. и Египет — Аль-Азхарскую школу в Каире в X в. для подготовки образованной элиты в христианском и мусульманском мире¹³.

Будучи высшими школами, которые, в подражание либеральным школам греко-римского мира, образовывали византийскую и египетскую элиту для ее образа жизни, т.е. готовили ее к власти, Магнаврская и Аль-Азхарская школы тем не менее не были первыми университетами, поскольку университет, как было уже сказано, это объединение общеобразовательной подготовки (на так называемом факультете свободных искусств и наук) и профессиональной подготовки (на факультетах права, медицины и теологии).

До появления средневекового университета не было учебного заведения, объединяющего в своей структуре общеобразовательную подготовку и специально-профессиональную. *Вот почему историки считают, что*

университет — это уникальное явление европейского Средневековья, не имеющее аналогов в предшествующем ему времени. Например, в статье Н.А. Сидоровой, которая ссылается на С. Стеллинга-Мишо, можно прочесть: «...С. Стеллинг-Мишо считает, что конституировавшиеся первоначально вне всякого влияния церковных и светских властей, вмешательство которых проявилось позже, университеты средневековой Европы выросли как совершенно самостоятельный институт, не связанный в своих организационных формах с классической или восточной традицией и не вдохновленный никаким древним образцом, которому бы они подражали. Стеллинг-Мишо отрицает какую-либо филиацию форм и традиций между греческими, латинскими, византийскими или арабскими высшими школами и средневековыми университетами, рассматривая последние как самостоятельное явление» [20. С. 230]. В. Роуг также считает университет явлением европейской средневековой культуры: «В какой-то степени попытки средневековых университетов вывести свою историю чуть ли не из времени Античности можно считать оправданными, поскольку сами *их интеллектуальные начала* выводились из классической, впоследствии христианизированной, традиции. Средневековые схоляры считали себя карликами, стоявшими на плечах своих великих предшественников и поэтому имевшими возможность видеть дальше. Вместе с тем следует признать, что *организационные формы университета* аналогов ни в классической античности, ни в Византии не имеют» [2. С. 102].

Именно включение в структуру средневекового университета ремесленной (профессиональной) подготовки на отдельных факультетах (права и медицины) как самостоятельного и светского образования, которое готовило человека к рынку труда, отличало средневековый университет в Европе и от античных либеральных школ, и от Магнаврской и Аль-Азхарской школ, поскольку все эти школы готовили элиту (светскую и жреческую) для образа жизни.

Итак, как новая организационная форма, соединяющая общеобразовательную школу (*stadium generale*) и ремесленную гильдию (*universitas*), т.е. соединяющая общеобразовательную и профессиональную подготовку в одном учебном заведении, средневековый европейский университет не имел аналогов в прошлом.

Историки установили происхождение средневековых терминов, которые использовались для обозначения средневекового университета: *stadium generale*, *universitas* и *alma mater*¹⁴. И. Захаров и Е. Ляхович со ссылкой на

¹³ В Магнаврской школе готовили хорошо образованного человека, в программу обучения которого входили не только богословские тексты, но и философские (например, Платона и Аристотеля), а также научные (например, арифметика, геометрия, астрономия) — *широкая образованность позволяла выпускникам этой школы занимать как церковные должности, так и светские* (например, дипломата, военачальника). Магнаврская школа просуществовала до падения Константинополя в 1453 г. В отличие от Магнаврской школы, которую можно считать отчасти светской, Аль-Азхарская школа была религиозным учебным заведением — несмотря на появление в XX в. светских факультетов, университет Аль-Азхар до настоящего времени продолжает позиционировать себя как центр мусульманского образования.

¹⁴ Фундамент историографии средневековых университетов заложили такие известные историки, как, например, Г. Денифле, Г. Рэшдолл, Ч. Хаскинс, Л. Альфан. Известны работы российских исследователей Н.С. Суворова [21] и Андреева А.Ю. [22].

Г. Рэшдолла пишут: «...Слово *universitas* не служило для обозначения совокупности всевозможных предметов обучения. Пришедшее из римского права, оно применялось для определения группы лиц по роду их деятельности, т.е. некоторых сообществ: каменщики, врачеватели, правоведы... Этим словом назывались городские корпорации или гильдии мастеров и ремесленников, которые существовали задолго до появления осознающей свое единство “совокупности схоластов”... В ту пору университеты были лишь одной из разновидностей городских гильдий... По мнению Рэшдолла, было “чистой случайностью”, что слово *universitas* окончательно закрепилось за конкретной, одной из многих гильдий или корпораций мастеров, а именно за ассоциацией преподавателей и студентов» [23. С. 36].

Первые университеты имели несколько названий: помимо *universitas*, которое не сразу стало главным и единственным определением университета, их называли *studium generale*. Ссылаясь на Г. Денифле, И. Захаров и Е. Ляхович пишут, что окончательно термин *universitas* закрепился за средневековым университетом в конце XIV в.: «Очевидно, что долгое время основное значение передавалось лишь словом *studium* (отсюда — Болонская, Парижская, Оксфордская штудии). В течение XII в. оно еще употреблялось в своем первоначальном смысле — учение, а начиная с XIII в. стало уже использоваться для обозначения учебного заведения, где происходит учение... Лишь после того как в сознании и языке зафиксировался термин *studia generale*, происходит закрепление за гильдией учителей и их последователей названия “университет”. Некоторое время оно встречалось лишь в сопровождении прилагательных, определяющих род занятий данной совокупности мастеров, — *universitas magistrorum* или *universitas scholarium*. Но взятое из гражданской жизни слово “университет” вскоре стало использоваться наравне с прежним названием: *Studium Oxoniense* — *Universitas Oxoniense* (Оксфордский университет). Окончательное утверждение термина “университет” в его академическом смысле произошло, как утверждает Г. Денифле, до 1400 года в Германии, откуда он проник во Францию, Англию и Италию. Более знакомым нам, чем *studium generale*, является другое старинное наименование университета — *alma mater*. Денифле сообщает, что первоначально два слова не были связаны друг с другом и являлись различными самостоятельными определениями... Фактически слово *mater* являлось еще одним названием совокупности представителей различных профессиональных объединений. Так, именно этим словом имел обыкновение пользоваться при обращении в своих письмах к городским гильдиям папа Иннокентий IV» [23. С. 37].

Итак, *universitas* — это городская гильдия мастеров и ремесленников; *studium* — это учение, а также этот термин использовался для обозначения учебного заведения, где происходит учение.

Для понимания смысловой нагрузки *generale* в словосочетании *studium generale* приведем выдержку из статьи Н.А. Сидоровой: «Анализ этого понятия (*studium generale*) был предметом специальных исследований главным образом итальянских и немецких историков, пришедших к выводу, что под *studium generale* *следует понимать высшую школу, которая дает оканчивающим ее лицам ученые степени, действительные повсеместно, т.е. “право преподавать повсюду”*... подтвержденное апробацией властей, имеющих универсальный характер, а именно папой или императором (в Испании также и королем). Эпитет “общее” (*generale*) не имеет никакого отношения к числу преподаваемых дисциплин, так же как и не означает высшую школу, открытую для всех. Этот эпитет применяется исключительно к школе, утвержденной властью, носящей универсальный характер... Понятие *studium generale*, указывает Стеллинг-Мишо, было непосредственно связано с правом преподавать повсюду... т.е. с правом данного лица преподавать во всех университетах, не подвергаясь новому экзамену. Первоначально лицензию на право преподавать давал схоластик церковной школы, затем канцлер епископа, и только потом это право перешло к университетам. При этом будущим университетским магистрам на первых порах пришлось выдержать усиленную борьбу за овладение данным правом, борьбу, которая ускорила их объединение с учащимися в особые ассоциации... и положила начало средневековым университетам как институтам. Университетам, таким образом, пришлось создать крепкую корпоративную организацию с целью завоевания и защиты своих прав против гражданских властей, с одной стороны, и против церковных капитулов, с другой. Так постепенно конституировались средневековые университеты со своими особыми правами, распорядком и методом занятий, с определенной программой, присуждением ученых степеней бакалавра и доктора, постоянными диспутами и пр.» [20. С. 231].

Как городские гильдии, первые университеты обучали ремеслу врача, юриста и теолога. В этом они были подобны другим гильдиям, также обучающим какому-либо ремеслу, например, гильдии каменщиков и т.д. Отличие же университетов заключалось в том, что они давали массу дополнительных знаний на так называемом факультете свободных искусств и наук. *Дополнительное образование, помимо специально-профессионального, определяло утверждение университета как учебного заведения (studium generale), а не только как гильдии (universitas).*

Литература

1. A History of the University in Europe: in 4 vols. Cambridge University Press, 1992–2011.
2. Университет как явление средневековой культуры // Вестник высшей школы. 1991. № 7. С. 97–106.
3. Философия: реферативный журнал. Серия 3. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 1997. С. 135–139. (Hamlyn D.W. The concept of a university // Philosophy. Cambridge, N.Y., 1996. Vol. 71. No. 276. Pp. 205–218.)
4. Костюкевич С.В. Либеральная и исследовательская модели университетского образования как институциональная основа интеллектуализации общества и сохранения фундаментальной ценности умственного труда (Часть 1) // Alma mater (Вестник высшей школы). 2024. № 3. С. 14–27. DOI: 10.20339/AM.03-24.014
5. В чем ошибается высшее образование // Alma mater (Вестник высшей школы). 2022. № 11. С. 4–9.
6. Костюкевич С.В. Социологический анализ интеллектуализации белорусского общества // Журнал БГУ. Социология. 2024. № 4. С. 88–99.
7. Костюкевич С.В. Современное университетское образование: эклектический хаос и конфликт ценностей // Alma mater (Вестник высшей школы). 2023. № 5. С. 16–29. DOI: 10.20339/AM.05-23.016
8. Елютин В.П. Университеты. М.: БСЭ, 3-е изд., 1977. Т. 27. С. 40–51.
9. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1. / пер. с нем. А.И. Любжина. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2001. 393 с.
10. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека: (Эпоха великих воспитателей и воспитательных систем). Т. 2. / пер. с нем. М.Н. Ботвинника. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1997. 334 с.
11. Йегер В. Раннее христианство и греческая пайдейя / пер. с нем. и вступ. ст. О.В. Алиевой. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2018. 216 с.
12. Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1998. 428 с.
13. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденоко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
14. Кессиди, Ф.Х. Об одной особенности менталитета древних греков // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 137–145.
15. Расцвет древних цивилизаций. Греция. Документальный сериал. 1-я серия. Производство Германия, 2014–2016 гг. — [Electronic resource]. URL: <http://zserials.org/dokumentalnye/the-ascent-of-civilisation.php> (дата обращения: 03.03.2023).
16. Адо Илзетраут. Свободные искусства и философия в античной мысли / перевод с французского Е.Ф. Шичалиной. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2002. 475 с.
17. История Европы. По европейской инициативе Фредерика Делуша. Коллектив из 12 европейских историков. Минск: Вышэйшая Школа; М.: Просвещение, 1996. — (Перевод с издания: Histoire de l'Europe. — Hachette, 1992).
18. Перепелкин Ю.Я. История Древнего Египта. СПб.: «Летний Сад» — Журнал «Нева», 2000. 560 с.
19. Галтунг Й. О роли интеллектуалов — упражнения в самокритике // Высшее образование в Европе. 1976. Вып. 1. № 6. С. 25–30.
20. Сидорова Н.А. Основные проблемы истории университетов в средние века в освещении современной буржуазной историографии // Средние века: сборник. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Выпуск 23, раздел 4. С. 229–238.
21. Суворов Н.С. Средневековые университеты. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2012. 256 с.
22. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
23. Захаров И.В., Ляхович Е.С. Джон Ньюмен и его модель идеального университета // Alma mater. 1993. № 1. С. 36–45.

References

1. A History of the University in Europe: in 4 vols. Cambridge University Press, 1992–2011.
2. University as a phenomenon of medieval culture. *Vestnik vysshey shkoly*. 1991. No. 7. P. 97–106.
3. Philosophy: abstract journal. Series 3. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 1997. P. 135–139. (Hamlyn, D.W. The concept of a university. *Philosophy*. Cambridge, N.Y., 1996. Vol. 71. No. 276. Pp. 205–218.)
4. Kostyukevich, S.V. Liberal and research models of university education as an institutional basis for intellectualization of society and preservation of the fundamental value of mental labor (Part 1). *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*. 2024. No. 3. Pp. 14–27. DOI: 10.20339/AM.03-24.014
5. What higher education is wrong. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*. 2022. No. 11. Pp. 4–9.
6. Kostyukevich, S.V. Sociological analysis of intellectualization of the Belarusian society. *BSU Journal. Sociology*. 2024. No. 4. Pp. 88–99.
7. Kostyukevich, S.V. Modern university education: eclectic chaos and conflict of values. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*. 2023. No. 5. Pp. 16–29. DOI: 10.20339/AM.05-23.016
8. Elyutin, V.P. Universities. Moscow: BSE, 3rd ed., 1977. V. 27. Pp. 40–51.
9. Jaeger, W. Paideia. The education of the ancient Greek. V. 1. / transl. from German by A.I. Lyubzhin. Moscow: Yu.A. Shichalin's Greek-Latin Cabinet, 2001. 393 c.
10. Jaeger, W. Paideia. The education of the ancient Greek: (The age of great educators and educational systems). V. 2. / transl. from German by M.N. Botvinik. Moscow: Yu.A. Shichalin's Greek-Latin Cabinet, 1997. 334 p.
11. Jaeger, W. Early Christianity and Greek Paideia / transl. from German and intro. by O.V. Alieva. Moscow: Yu.A. Shichalin's Greek-Latin Cabinet, 2018. 216 p.
12. Marrou, H.-I. History of Education in Antiquity (Greece). Moscow: Yu.A. Shichalin's Greek-Latin Cabinet, 1998. 428 p.
13. Weber, M. Selected Works / transl. from German, composition, ed. and afterword. Yu.N. Davydov; Preface by P.P. Gaidenko. Moscow: Progress, 1990. 808 p.
14. Cessidi, F.Kh. About one peculiarity of the Ancient Greeks' mentality. *Voprosy filosofii*. 1996. No. 2. Pp. 137–145.
15. The blossoming of ancient civilizations. Greece. Documentary series. 1st series. Production Germany, 2014–2016. — [Electronic resource]. URL: <http://zserials.org/dokumentalnye/the-ascent-of-civilisation.php> (accessed on: 03.03.2023).
16. Ilzetrout, Hadot. Free Arts and Philosophy in Ancient Thought / transl. from French by E.F. Shichalina. Moscow: Yu.A. Shichalin's Greek-Latin Cabinet, 2002. 475 c.
17. History of Europe. On the European Initiative of Frederick Delouche. Collective of 12 European historians. Minsk: Vysheyschaya Shkola; Moscow: Prosveshchenie, 1996. — (Translation from the edition: Histoire de l'Europe. — Hachette, 1992).
18. Perepelkin, Yu.Ya. History of Ancient Egypt. St. Petersburg: "Letnyi Sad" — "Neva" magazine, 2000. 560 p.
19. Galtung, J. On the role of intellectuals — an exercise in self-criticism. *Higher Education in Europe*. 1976. Issue 1. No. 6. Pp. 25–30.
20. Sidorova, N.A. Main problems of the history of universities in the Middle Ages in the coverage of modern bourgeois historiography. In: Middle Ages: Collection. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1963. Issue 23, Section 4. Pp. 229–238.
21. Suvorov, N.S. Medieval Universities. 2nd ed. Moscow: Librocom, 2012. 256 p.
22. Andreev, A.Yu. Russian universities of the XVIII — first half of the XIX century in the context of university history of Europe. Moscow: Znak, 2009. 640 p.
23. Zakharov, I.V., Lyakhovich, E.S. John Newman and his model of an ideal university. *Alma mater*. 1993. No. 1. Pp. 36–45.

Статья поступила: 21.03.2025

Принята к печати: 12.05.2025